

Игорь Шестков "Чача"

ЧАЧА

Июнь года 1972-о.

Года высылки Бродского, выхода на экраны Соляриса и Мюнхенской Олимпиады...

Пицунда. Второе ущелье. Спортивный лагерь МГУ „Солнечный“. Коттеджи на две комнатки каждый. В единственном коттедже, выходящем верандой на море, в правой от входа комнатке — над пропастью во ржи — сплю я. Мне шестнадцать лет. В другой — спит на составленных кроватях моя тетка Раиса с любовником, капитаном дальнего плавания из Одессы. Туда, в левую комнатку капитана поселил на недельку по протекции тетки начальник лагеря Николай Иванович Фантомас.

Пять утра. Солнце еще не встало. По пицундским меркам — прохладно, около 28 градусов. Море — синее, облачка по небу бегут как овечки — розоватые... влажно и душно кавказское утро.

Лагерь еще спит, спят зеленые холмы вокруг него, спят лиловые горы, кое где покрытые белоснежными мехами, спит Черное море... лишь один человек не спит, и не пьет шампанское, а бегом бежит по пляжу от рыбзавода к лагерю Солнечному. За плечами у него — небольшой рюкзак, в правой руке — раскладной нож Белка.

Это законный муж тетки Раисы, мой дядя Толя. Тогда еще молодой, пышущий здоровьем, накаченный мужчина. По профессии — физик-ядерщик.

Толя подозревал, что его жена использует поездку в Пицунду, чтобы встретиться с любовником, с которым познакомилась и сошлась четыре месяца назад на научной конференции в Питере. Чтобы застать прелюбодейку на месте преступления, Толя прилетел в Адлер на два дня раньше оговоренного срока (согласно раисину плану, капитан должен был уехать вечером, а следующим утром должен был прилететь муж). Приземлился в Адлере поздним вечером. Автобусы уже не ходили, на такси у Толи денег не было — и он пошел пешком. Из Адлера в Пицунду. И шел и бежал всю ночь, как марафонец, между небом и

землей, по дороге, на которой ежегодно гибнут десятки человек. Разогревал свою ревность эротическими фантазиями, крепко сжимал нож в жилистой руке. От Веселого до Гагры его впрочем подвез какой-то сердобольный водитель. Границ тогда там не было. Войной и не пахло. Пахло только вином и шашлыками...

Он вошел в лагерь со стороны пляжа в пять пятнадцать утра. И напрямиком направился к нашему коттеджу. Открыл без стука дверь в правую комнату (мы не запирали). Посмотрел на незастеленную кровать, где должна была спать моя теть. Тети на ней не было. Вместо нее на постели лежал бумеранг, который я вырезал из весла от спасательной шлюпки. Бумеранг летал хорошо, но не возвращался. Один раз я даже ранил им зеленую ящерицу метрах в тридцати от меня, на скалах. Бедная зверюга упала на мелкую пицундскую гальку. Я видел кровь, видел, как она тяжело дышит. Поклялся больше никогда ничего не кидать в живых существ.

...

Толя перевел глаза на меня. И — обознался, вообразил, что я любовник его жены. Сорвал с меня одеяло, схватил левой, стальной рукой мои, тогда еще буйные курчавые волосы, а правой приготовился нанести удар ножом в сердце. Заревел как разъяренный Атилла: Где моя жена? Где Раиса? Считаю до десяти, не ответишь, убью!

Я оценил свое положение мгновенно, несмотря на то, что сон, а снилось мне озеро Виктория, в котором я ловил руками вместе с нежными смуглыми девушками синих очаровательных рыбешек, не отпускал меня, как навязчивое воспоминание или запавший в память кинофильм. Но вот, вынырнувший из темных глубин прапамяти серебристый окунь размером с льва проглотил одним махом целую стайку васильковых рыбок, взлетел в сияющее небо и скрылся в нем, как юношеские надежды скрываются от нас в тяжелом мареве сороковых-пятидесятых наших годов, смуглые красавицы растаяли в воздухе, как миражи, а чудесное озеро Виктория превратилось в обитую грубым оргалитом стену, по которой быстро ползла сколопендра длиной с шариковую ручку. До меня долетел Толин счет. Пять, шесть, семь...

Неужели он считает ее ноги?

Когда он дошел до девяти, я подал голос.

— Толя, я не тот, кого ты ищешь! Я Вадим, твой племянник, ты помогаешь мне по четвергам задачки по геометрии решать... Помнишь, строили треугольник по трем высотам...

На дрожащего в умопомрачении Толю мои слова почему-то произвели впечатление. Он как-то помягчел, ослабел... досчитал до двадцати, а потом начал с начала. Я заметил, что глаза его наполнились слезами, а рука, держащая меня за вихры, стала восковой. Я попытался освободиться...

Но тут в дверном проеме появился супостат Толи — зевающий капитан дальнего плавания, в щегольских бордовых плавках с маленьким бронзовым дельфином, с зеленым китайским полотенцем на плече. Полотенце посверкивало вышитыми на нем золотыми нитками драконами...

Капитан, видимо, решил искупаться, или был разбужен шумом... пошел посмотреть... а полотенце взял с собой для маскировки.

Начавший было ослабевать физик-ядерщик мгновенно превратился в бешеную боевую машину, в тигра, в Атиллу. Отскочил от меня и бросился на капитана. Попытался поразить его страшным ударом кулака с зажатым в нем ножом — в лицо. Капитан сумел отвести руку с ножом от лица, но Белка чиркнула его на обратном ходу своим острым кончиком по покрытому тропическим загаром плечу и оставила на нем неровную кровавую полосу.

Тут запричитала вышедшая из соседней комнаты Раиса.

— Толенька, что ты делаешь? Все не так, как ты думаешь, я люблю только тебя! Милый мой, успокойся, родной...

Толя резко оттолкнул капитана и бросился на мою маленькую тетю, рыча как медведь. Повалил ее...

Остановить его наверно не смогла бы и заколовшая Атиллу сестра бургундского короля. Сестра не смогла бы, а капитан смог. Он как-то неестественно согнулся, затем разогнулся и свалил ужасным ударом ребра ладони в горло обезумевшего ревнивца, уже занесшего руку с ножом над голосящей тетушкой. За несколько дней до этой битвы он мне рассказывал, что научился подобным приемам у самого Бруса Ли в Гонконге, но я ему не поверил. Потому что не был уверен, что Брус Ли, Гонконг, Нью-Йорк, Джон Ленон и прочие чудеса существуют на

самом деле. Подозревал, что все эти люди и места не реальность, а только родившиеся из советской пустоты фантомы...

Тетка Раиса встала. Капитан ее обнял. Поверженный Толик-Атилла скульптурно лежал без движения у их ног. Мы с капитаном перенесли его на ту кровать, где лежал мой бумеранг. Бумеранг, как потенциальное холодное оружие, был вынесен на веранду. Толикова Белка была вручена мне и спрятана в чемодане. Плохонький этот ножик поехал со мной много лет спустя в эмиграцию и до сих пор лежит у меня на столе. Он-то и навеял это сентиментальное воспоминание. Тут самое время написать лирическое отступление „О советских перочинных ножах и о навеваемых ими печальных мыслях“. И я, клянусь громом, это обязательно когда-нибудь сделаю...

Мы с Раисой вытерли кровь с капитанского плеча китайским полотенцем. Золотые драконы порозовели. Рану обработали перекисью водорода из аптечки и заклеили синей изоляционной лентой. После этого Раиса и капитан вручили мне пустой графин литра на три с половиной и послали за чачей.

— Вот тебе пузырь, лети... Без чачи нам всем крышка, — сказал капитан, похлопывая меня по плечу, — веревками его вязать нельзя, это уголовно наказуемое деяние, а если не связать, то он, как очнется, вырвется и за ножом побежит... Чача нужна, хоть из под земли достань! У нас только поллитра есть и красное. Маловато для такого темперамента.

...

Все эти драматические события произошли быстрее, чем я их описал. Было все еще очень рано — без десяти шесть. Где можно в это время тут чачу достать?

Второе ущелье за рыбзаводом — не Сан-Франциско.

Я конечно мог пойти к доктору Грушину, симпатичному московскому цинику лет тридцати пяти, с которым у меня завязалась странная дружба. У него были и чача и вино, которые он использовал исключительно для совращения слабого пола. Но доктор был помешан на психоанализе, он наверняка начал бы меня мучить расспросами и обязательно захотел бы осмотреть и опросить поверженного Толю и раненого капитана. Его тема! А потом начал бы писать протоколы...

Поэтому я направился прямо к маленькому рынку... тут, недалеко... на полянке,

у речки Ряпши. Там обычно абхазы продавали чачу, фрукты и соленые огурцы, засоленные в душистом укропном рассоле. Отравленные обильными кавказскими возлияниями московские и питерские алконавты притаскивались по утрам на неверных ногах на рынок и умоляли коренастых рыжеволосых абхазов, налить им чашечку рассола. Те гоготали гортанно и предлагали купить килограмм соленых огурцов за два рубля, а литр рассола обещали долить бесплатно...

На рынке никого не было, кроме двух мирно пасущихся осликов да четырех мертвецки пьяных мужчин, спавших вповал на колючей траве. Продавцы наверное ушли отдыхать под навесы, туда, где сушился лавровый лист, и товар с собой забрали.

Я побежал к спасателям. Они жили в соседнем с нашим коттедже. Чача у них была. Спасатели покупали этот убийственный напиток у абхазов десятилитровыми канистрами. На казенные деньги, предназначенные на краску и запчасти для катера, шлюпки, спасательных кругов и хибарки на курьих ножках на пляже, откуда они наблюдали за купальщиками в полевой бинокль. Нужно было как-то без вреда для себя разбудить спасателей, огромных мужиков, пивших обычно ночь напролет эту самую чачу с такими же как и они, суровыми и битыми жизнью поварихами и уборщицами, а днем отсыпавшихся в хибарке на пляже.

Я постучал, размышляя про себя о том, кто хуже — ослепленный ревностью дядя Толя с ножом в руке или взбешенный спасатель по прозвищу Илья Муромец, которого разбудили или „сняли с бабы“ в шесть утра. На мой стук никто не отозвался. Я осторожно приоткрыл дверь. Из этой двери тут же вылезла огромная крабья клешня, схватила меня за шкуру, как котенка, и втащила в комнату. Это была украшенная наколками (якорь, русалка и Сталин) рука Ильи Муромца.

— Вот мы вора и поймали, — прогудел могучий спасатель на водах голой до пояса поварихе Трине, возлежавшей по-древнеримски на лагерной койке. Трина пьяно тряхнула растрепаной копной выгоревших на южном солнце волос, развязно посмотрела на меня, поиграла кокетливо своей отвислой грудью, а затем смачно рыгнула и прохрипела: Ууу, красавчик твою мать...

Илья Муромец похабно поцеловал меня в щеку и ткнул под ребра свинцовой ручищей.

— Что же мне с тобой сделать, Вадя, за то, что ты наш катер без спросу брал, подружек катать в пограничной зоне, и весло с шлюпки стырил? — пробасил Илья Муромец, — ладно, пловец, я сегодня добрый, давай выпьем... Триночка, голубка, разливай... И прикройся, а то мальчик мне на одеяло кончит. Вадюхе налей как воробей накакал, не дорос он еще до высшей лиги... Это еще что, на кой хер тебе графин?

— Дядя Илья, мне позарез чача нужна, литра три, тут человечка одного болящего надо успокоить... Пока он всех нас не перерезал ножичком. Деньги тут.

И я протянул Илье Муромцу две измятые лиловые пятерки и пять желтоватых рубликов. Муромец бумажки взял, сложил одну пятерку так, чтобы на стороне, где Спасская башня и герб, надпись „Пять рублей“ читалась как „Пей“, гордо продемонстрировал мне свое изобретение, ослабил и жадно хлебнул чачи. Потом показал мне свой кулачище и сказал: Хочешь я его вот этим успокою? Человечка твоего. Ты, давай, не тяни, на выдохе...

Я выдохнул и глотнул. Чача ошпарила горло как кипяток, я дернулся и сморщился, а Илья Муромец и его паскуда Тринка радостно засмеялись. Но пузырь мой милостиво наполнили чачей. Наливали из канистры и не уронили ни капли. Спасатели!

Я рванул с пузырем к нашему коттеджу.

...

Прибежал. Зашел в левую комнату. Я ожидал увидеть в капитановой комнате все, что угодно, только не то, что увидел.

В середине комнаты стоял стол. За ним сидели моя тетя Раиса, ее любовник капитан и ее муж физик-ядерщик, который еще полчаса назад собирался всех нас зарезать, а потом валялся на земле без сознания. Все трое спокойно и сосредоточенно играли в карты, писали пульку. Как раз в тот момент, когда я вошел, дядя Толя объявил торжественно и тихо: Восемь червей.

Раиса спасовала. Капитан вистовал. Потом пошел семеркой и заметил нравоучительно: Под игрока с семака.

Раиса взяла взятку, пошла бубновым тузом и отозвалась: Под вистуза с туза. Толя положил козыря и открыл карты. Восьмерная состоялась. Капитан начал тусовать колоду.

Игроки забрали у меня графин, ни секунды не медля, разлили чачу в граненые стаканы, чокнулись друг с другом и выпили „за мир и дружбу“. Как и полагается игрокам высшей лиги — без закуски. Закурили капитанское Мальборо.

Мне не налили, я обиделся и купаться ушел.

Они играли и пили весь день и всю следующую ночь. Потом Толя и капитан уехали.

Толя, домой, в Москву, в свой ФИАН, а капитан — в Одессу, где его ждали больная жена, избалованные дети и сухогруз „Адмирал Михайловский“.

А тетка Раиса после их отъезда долго не тосковала, а на второй же день спуталась с азербайджанцем Мусой, шофером лагерного газика. Мне она заявила, как бы в свое оправдание: Жизнь-то уходит, Вадя, а впереди ничего нет, кроме болезней и старости.

А я ее не осуждал. Муса был симпатягой. Он научил меня делать из бамбука кальян и пускать кольца...